

НЕХОРОШАЯ КВАРТИРА НА МАНХЭТТЕНЕ

вспоминает Василий Арканов

Снег на Рождество в Нью-Йорке бывает редко. Он тут вообще вроде аномального явления: выпадает, чтобы не забывали, пару раз за сезон. День-другой полежит – и нет его. Не дает насладиться красотой. Но пятнадцать лет назад, попав сюда впервые, я об этом не знал. Тогда мне казалось, что зима здесь, как на картинках из детских книжек: и дым из труб, и румяные Санта-Клаусы в санях, и женщины в муфтах. В школе нас, конечно, учили, что Нью-Йорк находится на широте Ташкента, но все равно думал: Америка, другое полушарие, а вдруг... Хотелось-то в сказку, вы понимаете?

Приехал я в июне и, пожив первое время у родственников, занялся поиском жилья. При моих более чем скромных финансах дело это оказалось непростое. Квартиры были дороги, явно не по карману, а те чуланы, углы, закутки и выгородки, которые мне демонстрировали за пятьсот с лишним долларов, нагоняли либо уньи, либо ужас. Не говоря уже об их обита-

телях – моих потенциальных «руммэйтах»: всех этих всклокоченных стариках, сексуально озаченных дамах и дорвавшихся до свободы юнцах, пропахших марихуаной и пивом. Наконец удача мне улыбнулась. В просторной квартире с прихожей, кухней, гостиной и двумя спальнями средних лет мужчина в очках (художник и нескладностью напомнивший мне Дон Кихота) сдавал одну из комнат. В ней был письменный стол, кровать, платяной шкаф и окно с видом на автостоянку. Мужчина сказал, что жена его практически постоянно живет на даче в Катскильских горах, а два взрослых сына давно от них отделились и навещают только по большим праздникам.

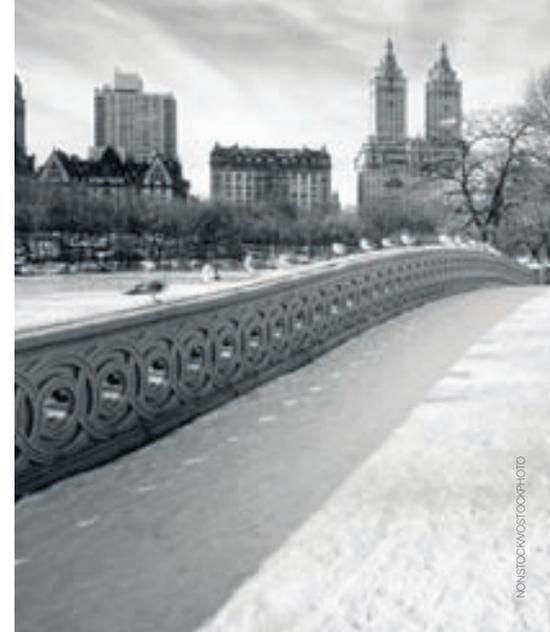
– До Рождества мы их вряд ли увидим, – прибавил он со вздохом. Но вздохом двусмысленным – так, что нельзя было понять, радует его это обстоятельство или огорчает.

Поначалу нас в квартире действительно было двое. Он уходил на работу, я – в институт, и толь-

ко по вечерам мы изредка сталкивались на кухне или в гостиной. Вскоре, однако, ситуация изменилась.

Войдя как-то вечером в свою комнату, я обнаружил на постели спящего юношу. Он был в черной майке и серых джинсах, с кольцом в носу. Татуировка на бицепсе изображала две скрещенные гитары. На полу в художественном беспорядке валялись черная кожаная куртка, кеды с немислимо длинными шнурками, ополовиненная бутылка виски и ноты. Растолкнув его, я выяснил, что передо мной один из упомянутых ранее сыновей (старший) и что он переезжает жить к нам. Причем не один, а вместе со своей новой девушкой, инструктором по йоге, из-за которой он ушел от своей бывшей девушки, биржевого брокера. У бывшей девушки был лофт неподалеку от Уолл-стрит, а у нынешней – не было ничего, кроме долгов и феноменальной гибкости. И вот они вынужденно возвращались под родительский кров. Влюбленные поселились на диване в гостиной, и следующие несколько дней мы прожили вчетвером. Если не считать того, что сын оказался ударником в рок-панк-группе и с утра до вечера практиковался на поставленной в углу установке, а его новая девушка, несмотря на гибкость, кричала по ночам так, будто ее не любили, а пытались разорвать на куски, мне они особенно не докучали. Проблемы начались с появлением младшего брата. Он переехал к нам в начале октября, поскольку решил экономить деньги для поступления в колледж. Ему было двадцать, и он был поэт со всеми вытекающими отсюда последствиями: рассеянностью, загулами на всю ночь, поздними пробуждениями и любовным непостоянством. Вещи он носил, не очень вникая в то, кому они принадлежали, причем терял их с поразительной быстротой.

Затем в доме появилась хозяйка – женщина пышная, круглолицая, любившая балахоны и блузы-размахайки. Оказывается, она была вроде семейной приметы: всегда появлялась с наступлением холодов, поскольку дача в Катскильских горах была не совсем дача, а всего лишь неотапливаемый летний коттедж – ее муж просто забыл мне об этом сказать. Вместе с ней в город переехали старая облезлая шелти, две кошки и попугай. По квартире стало практически невозможно передвигаться без того, чтобы на кого-нибудь не наступить. Пес страшно линял и чихал от старости, но хозяйка была непоколебимо убеждена, что это у него аллергия на постороннего. Ее явно раздражало мое присутствие, и она всячески подчеркивала, что терпит меня из жалости, как дальнего нелюбимого родственника, давно исчерпавшего все лимиты гостеприимства. Вот таким шумным и не слишком дружным табором мы дожили до моего первого нью-йоркского Рождества.



— Зимой лед редко замерзает в пруду нью-йоркского Central Park. И снег тут тоже большая редкость: пару раз за сезон. Не чаще!

Открыв в то утро глаза, я увидел, как в мою комнату, пятясь и мурлыча себе под нос рождественские гимны, протискивается сначала хозяйка, затем ствол гигантской разлапистой ели, а потом муж, который, кажется, не столько помогает нести эту ель, сколько волочится по полу следом за остроконечной верхушкой. Сразу запахло хвоей и одновременно скандалом: елка – это, конечно, прекрасно, но почему в моей комнате, почему без стука? Словно не замечая меня, не слыша моих вопросов, они извлекли откуда-то двуручную пилу и принялись вжикать ею по стволу, продолжая (теперь уже громче и дуэтом) распевать рождественские гимны. На меня полетели опилки. В соседней комнате чихнул пес. Брат-ударник колотил коленом в дверь ванной, пытаясь выкурить оттуда брата-поэта. Коты с пронзительным визгом пронесли друг за другом по коридору. Этот абсолютный рождественский сюр впоследствии не раз веселил моих знакомых. Я воспроизводил его в разных компаниях, и всюду смеялись и не верили, считая это выдумкой. С годами я и сам усомнился в реальности происшедшего. Но тогда, наскоро одевшись и выбежав на улицу в бесснежный, взерошенный пронизывающим ветром Нью-Йорк, я чувствовал себя бездомным, одиноким и обманутым. Хотелось-то в сказку, вы понимаете? И откуда мне было знать, что я в нее и попал. Только в самое начало, в главу первую, где на долю героя выпадают обязательные лишения и испытания.

Побродив по городу, окоченев и вполне насладившись своим несчастьем на фоне нарядных витрин, празднично одетой толпы, доносящихся из всех магазинов рождественских мелодий и звонящих в колокольчики, закутанных в пуховики и платки работников Армии спасения, я вернулся домой. В квартире пахло запекаемой в духовке уткой. Укороченная елка, украшенная разноцветными гирляндами, стояла посреди гостиной. Шла обычная предпраздничная суета: что-то куда-то сдвигали, переносили, выметали, домывали. Стол был накрыт на пять персон: меня к нему явно не ждали.

Вечер я провел с родственниками, отмечавшими, правда, не Рождество, а Хануку. Но елка у них по советской традиции была, а утку мы заказали в китайском ресторане.

С тех пор я твердо усвоил: в жизни всегда есть место празднику. Даже если у вас в ней пока нет места.

Ну а из той злополучной комнаты я вскоре съехал.

